

А. В. Гайворонская

Первая мировая война в жизни кубанских дворянок

До недавнего времени в отечественной историографии периода Первой мировой войны интерес исследователей к роли представителей дворянского сословия в военных и общественных событиях того времени был в значительной степени ограничен рамками идеологии. Как следствие, малоизвестна и плохо освещена повседневная жизнь женщин из дворянских семей этого периода истории. Сегодня внимание российских исследователей к женской повседневности военных лет находится преимущественно в сфере женской и гендерной истории (Е. С. Сенявская, Н. Л. Пушкарёва, П. П. Щербинин, А. Н. Еремеева), однако повседневные дела и заботы кубанских дворянок, изменения, произошедшие в их миропонимании и мировоззрении под влиянием военных событий, пока не были выделены в качестве темы отдельного исследования, в том числе и на региональном уровне. Задача предлагаемого сообщения состоит в том, чтобы обозначить некоторые характерные черты, присущие миру представительниц дворянского сословия Кубани в период Первой мировой войны, а также определить основные направления наиболее деятельного участия кубанских дворянок в военной жизни Кубани.

В качестве основного источника были выбраны публикации в кубанской периодической печати, учитывая предлагаемый ими большой фактический материал, а также последовательное освещение позиций общества и государства в отношении так называемого «женского вопроса» в военные годы. В периодической печати периода Первой мировой войны 1914—1918 гг. источниками к изучению происходивших изменений в образе жизни представительниц кубанского дворянства служат газетные публикации, посвященные «женской теме», отличающиеся характерными броскими заголовками, а также законодательные

акты, благотворительные рекламные объявления, призывы и воззвания различных благотворительных обществ и дамских комитетов, благодарности, приказы о награждениях, а также газетные интервью и некрологи.

Особую ценность в качестве источников представляют мемуары российских дворян, в той или иной степени затрагивающих тему исследования, а также воспоминания, дневники, сохранившаяся переписка и фотографии. Серьёзным препятствием к более широкому использованию только этого вида источников служит как малочисленность источников личного происхождения, в том числе и кубанского дворянства, так и то, что характерной чертой мемуарной литературы данного периода является предпочтительное внимание авторов, прежде всего, к потрясениям революции 1917 г. и событиям последующей Гражданской войны.

Война изменила привычный уклад жизни большинства дворянских семей Кубани. С первых дней объявления войны, представительницы кубанского дворянства берутся за организацию лазаретов для раненых, складов белья и медикаментов, участвуют в комитетах для оказания помощи беженцам и инвалидам войны, успешно проводят многочисленные сборы пожертвований. Ведут активную работу в кубанском управлении Российского общества Красного Креста, Кубанской общины сестёр милосердия, а также в Кубанском обществе братской помощи искалеченным воинам, которые находились под председательством С. И. Бабыч, супруги последнего Наказного Атамана Кубанского Войска генерала М. П. Бабыча. Кубанская община сестёр милосердия была создана ещё в 1893 году, во многом благодаря личным стараниям Е. И. Малама, супруги Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Я. Д. Малама. В некрологе, посвященном её кончине, летом 1914 г. говорится

следующее: «Кубанская община всецело обязана своим формированием, внутренним строем и первоначальным прочным материальным обеспечением покойной Елизавете Ивановне, принимавшей горячее участие в судьбах общины. Особую деятельность покойная проявила во время русско-японской войны, с полным самоотвержением и энергиею приняв на себя труд лично руководить сложным делом оказания помощи воинам. В своей квартире она организовала мастерскую, в которой изготовлялись под её руководством вещи для формирувавшегo лазарета и для воинских чинов, а также приём пожертвований на нужды войны»¹. К 1914 г. в Кубанской общине сестёр милосердия было 40 сестёр милосердия, прошедших прекрасную подготовку у медиков Кубани, Санкт-Петербурга и на специальных курсах в Швеции. Сёстры милосердия были из состоятельных дворянских, купеческих и казачьих семей, выпускницы женских гимназий, Мариинского института². С первыми же известиями о начале военных действий в местную общину Красного Креста стали поступать многочисленные заявления дам и девушек о желании вступить в общину с целью послужить больным и раненым воинам³. С октября 1915 г. в Екатеринодаре при Кубанской общине открываются двухмесячные курсы для подготовки сестёр Красного Креста военного времени. Комплект был определён не выше 60 человек⁴.

В начале войны многие светские дамы надели форму сестёр милосердия. Некоторые из них выражали настойчивое желание работать сёстрами милосердия в лазаретах именно на фронте. Отношение к такому явлению в обществе было неоднозначным. Газеты полны восторженных заметок на этот счёт, но среди самих сестёр милосердия можно встретить и такие мнения, как высказанные в письме императрицы в сентябре 1915 года: «Сегодня у нас был молебен в Красном Кресте, и потом я раздавала дипломы дамам, окончившим курсы сестёр милосердия и получившим красный крест. — У нас большой недостаток в сёстрах. Многие утомлены или больны, или желают быть отправленными на передовые позиции, чтобы получить медали. Работа здесь однообразная и бес-

прерывная, а на фронте больше возбуждения, постоянные перемены, даже опасность, неизвестность, и не всегда много дела. Конечно, это гораздо привлекательнее»⁵. Многие кубанские сёстры милосердия также уезжали на фронт. Одно из первых отправлений кубанских сестёр милосердия на фронт состоялось уже в первые дни войны: «В среду, 6 августа, в час дня, в войсковом Александро-Невском соборе, преосвященным Иоанном, епископом Ейским совершено было торжественное богослужение по случаю отъезда на театр военных действий отряда сестёр милосердия Кубанской общины в составе 50 душ»⁶. В течение войны С. И. Бабыч, попечительница Кубанской общины сестёр милосердия с 1908 года, регулярно получала сведения об отлично-усердной деятельности сестёр милосердия Кубанской общины, о чём свидетельствуют многочисленные заметки в кубанских газетах: «Ея Высопревосходительством, Попечительницей Кубанской Общины С. И. Бабыч, получены от Начальника 6-го Головного Эвакуационного пункта Западного фронта сведения об отлично-усердной деятельности сестёр милосердия Кубанской общины: А. Ф. Стрига и И. И. Катерно. За время службы поименованных сестёр в указанном пункте, с 14 августа 1914 г. и по 15 ноября с. г., сёстры Стрига и Катерно, по свидетельству начальника пункта, отличались прекрасными нравственными качествами и поведением, перевязали каждая свыше 12 тыс. раненых воинских чинов, отлично выполняли возложенные на них обязанности по уходу за больными и ранеными, нередко с опасностью для личной жизни и во всём оказались вполне отвечающими высокому званию сестры милосердия, за что награждены серебряными медалями с надписью „за усердие“ для ношения на груди на Аннинской ленте. Кроме того, за мужество, проявленное ими при перевязках раненых под огнём неприятельских снарядов, сестра Стрига награждена Георгиевскими медалями 4 и 3-й степени и представлена к золотой медали с надписью „за усердие“ для ношения на груди, сестра же Катерно награждена Георгиевской медалью 4-й степени, представлена к Георгиевской медали с надписью „за усердие“ для ношения на

¹ Кубанские областные ведомости (Далее — КОВ). 1914. № 145. С. 1.

² Корсакова Н. А. Благотворительная деятельность дворянской семьи Бабыч на Кубани в конце 19 — начале 20 вв. // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона. Краснодар, 2002. С. 62.

³ КОВ. 1914. № 162. С. 1.

⁴ КОВ. 1915. № 210. С. 3.

⁵ Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 272.

⁶ КОВ. 1914. № 174. С. 2.

шее на Владимирской ленте»⁷; «Кроме того, раньше от старшей сестры военных госпиталей Юго-Западной армии О.Г. Деконской получено письмо, в котором она сообщает, что все сёстры Кубанской общины, находящиеся на театре войны, стоят на высоте своего положения. От всех учреждений, в которых они работают, получают г-жей Деконской самые лучшие о них отзывы»⁸. Не оставалась без благодарного внимания и активная деятельность дам, входивших в правление общества. Помимо регулярных писем и телеграмм с фронта от кубанских казаков и офицеров, в их адрес приходили слова личной благодарности от императора и некоторых военачальников: «4 сего года декабря из склада Красного Креста при Кубанской Общине сестёр милосердия был отправлен в Ставку Государя Императора, с особым проводником из Ставки вагон подарков в распоряжение особой организации, работающей в Ставке по сбору и раздаче разного рода пожертвований доблестным нашим воинам, а также беженцам. Ныне, Ея Высочайшим повелением, председательницей местного управления Российского Общества Красного Креста и попечительницей Кубанской общины С.И. Бабыч получено письмо от Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, ген.-от-инф. Алексеева с выражением сердечной благодарности за присланные подарки. Кроме того, такая же благодарность получена Ея Высочайшим повелением от личного адъютанта Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, Графа П.И. Капниста, работающего в указанной выше организации»⁹. Кроме того, многие кубанские дворянки в годы войны были удостоены высоких наград: «Государь Император, по ходатайству Главного Управления Российского общества Красного Креста, 6-го июня с.г. Всемилоостивейше соизволил пожаловать за труды по Обществу Красного Креста, при обстоятельствах военного времени, сестре-настоятельнице Кубанской Общины Дарье Денишевой золотую шейную медаль на Андреевской ленте, Товарищу Попечительнице Кубанской Общины, жене Генерал-Майора Вере Лебедевой, Членам Попечительного Совета Кубанской Общины: жене Генерал-Майора Любви Глинской, жене есаула

Александре Майгур и Зинаиде Дон-Дудиной золотую наградную медаль на Аннинской ленте»¹⁰.

Появление дам из высшего общества в лазаретах в качестве сестёр милосердия по-разному воспринималось и оценивалось современниками. Причём разительными по степени категоричности представляются прежде всего мнения, высказанные внутри самой дворянской среды. Нагляднее всего такую ситуацию демонстрирует противоречивое отношение высшего общества к непосредственному участию в работе лазаретов членов императорской фамилии. Например, по мнению графини М. Клейнмихель, вместо того чтобы управлять лазаретами и быть императрицей-благотворительницей, Александра Федоровна стала сестрой милосердия, «сестрой, делающей перевязки раненым, умывающей их и собственными руками обрезавшей ногти на ногах офицеров. Простой народ в своём примитивном представлении рисует царицу, окружённую ореолом и блеском, в короне, с красной мантией на плечах. Такой он её любит, и такой она ему нравится. Когда же русский видел царицу простой сестрой милосердия, не отличающейся ничем от других сестёр, её, эту царицу, которую он представлял сказочной королевой, он думал: „Как, это всё? Ну, тогда нет никакой разницы между ней и нашими жёнами“»¹¹. Но возможно, именно эта разница представлялась лишней и неуместной в годы войны многим из тех, кто являлся предметом подобных обсуждений. В своих воспоминаниях великая княгиня Мария Павловна Романова, которая в годы Первой мировой войны работала как простая сестра милосердия, так описывает свое впечатление от одной из бесед с офицерами во время работы в госпитале: «Правда ли, что вы на самом деле приехали на фронт, ваше высочество? Как это чудесно! Теперь мы будем воевать с большей радостью, зная, что вы приехали ухаживать за нами. Я чувствовала, что они искренни; для них сознание того, что опасности, трудности разделяет с ними член царской семьи, имело большое значение. Внезапно мы стали равны перед лицом испытаний, которые выпали на долю нашей родины»¹². Также далеки от иронии и снисходительности впечатления о работе дам из высшего общества в военных госпиталях участника русско-японской и

⁷ КОВ. 1915. № 255. С. 3.

⁸ КОВ. 1915. № 53. С. 2.

⁹ КОВ. 1915. № 271. С. 2.

¹⁰ КОВ. 1916. № 150. С. 3.

¹¹ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в 18 — начале 20 века. Тамбов, 2004. С. 394.

¹² Романова М. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890—1918. М., 2007. С. 177.

Первой мировой войн Б. А. Энгельгарда. Вспоминая события русско-японской войны, он пишет: «На войне я командовал сотней во 2-м Нерчинском полку Забайкальского казачьего войска и в рядах его был ранен в ногу, с раздроблением кости, во время одного из боёв на путях от реки Ялу к Ляояну... Наконец мы прибыли в Ляоянский госпиталь Георгиевской общины Красного Креста... Кроме профессионалов, в Ляоянском госпитале работало и несколько волонтеров — барышень петербургского света. Вспоминаю среди них баронессу Остен-Сакен, А. В. Романову, княжну Урусову. Смеялись мы, бывало, над тем, как доктор Пальцев, обходя палату в сопровождении дежурной сестры и осматривая больного дизентерией Игнатьева, внушительным тоном давал указания: «Ну-с, баронесса, сегодня надо поставить графу клизму...». Однако, отбрасывая подобные комические инциденты, нужно признать, что все эти русские девушки, добровольно взявшие за тяжёлый труд сестёр милосердия, несли его охотно и без позы, проявляя исключительную работоспособность и неизменное чувство долга. Видно было, что они приехали на театр военных действий не ради приключений, а для самоотверженной работы. Из всего, что я видел на японской войне, наибольшее уважение и даже преклонение вызвала во мне русская женщина и её отношение к взятому на себя делу»¹³.

Работа сёстрами милосердия, даже для дам, которые не уезжали работать на фронт, привносила серьёзные изменения в их привычную домашнюю жизнь. Дамы не только отдавали много личного времени и сил своим новым обязанностям, но иногда привлекали к такой работе всех своих домочадцев. В мемуарах, написанных уже их детьми, многие из которых выросли в эмиграции, можно встретить описание первых детских или юношеских впечатлений о работе близких родственниц в лазаретах, а также о собственных первых визитах в подобные заведения и поручениях, которые им доверяли выполнять. В воспоминаниях О. А. Вильерс, дочери графа А. П. Капниста, расстрелянного в 1918 г. в Пятигорске, одними из самых ярких впечатлений о начале военного времени представлены описания новых занятий её матери: «Как только моя мать устроилась на новой квартире, она поступила в так называемое „Сестричество кауфманских сестёр милосердия“, основанного госпожой Кауфман, одной из

фрейлин Императрицы. По окончании трёхмесячных курсов незамужних женщин посылали на фронт, а моя мать, будучи семейной женщиной, определилась медсестрой в один из военных лазаретов Петрограда... Однажды в нашей игровой комнате появился мешок, наполненный марлей, и мы все под руководством Мадам стали катать для раненых бинты... В один незабываемый день моя мать повела нас в свой лазарет. Я помню просторный, светлый зал, очевидно, в большом частном доме. Шесть человек раненых лежали в шести чистеньких белых кроватках и смотрели на нас. Моя мать дала каждому из нас пачку папирос и коробку спичек и велела мне выбрать себе раненого... Мне велено было справиться о его здоровье, но у меня ничего толкового не вышло. Солдатик ничего не сказал, только улыбнулся доброй улыбкой, которая навсегда запала мне в душу»¹⁴.

Если отправление дам на фронт в качестве сестёр милосердия было всё же достаточно привычным и понятным явлением, а также имело положительный опыт прошедших войн, то появление такой женщины на фронте, но уже в качестве солдата, по-прежнему становилось почти сенсацией. Среди множества публикаций с громкими заголовками: «Женщины-воины», «Женщина-автомобилистка на войне», «Девушка-прапорщик», «Казачки на войне», «Женское дело», — можно выделить интервью княгини Е. Шаховской в статье «Полёты княгини Шаховской», в которой известная женщина-авиатор княгиня Е. Шаховская рассказывает о своей сбывшейся мечте отправиться на фронт и о том, «что немало волнений пришлось ей испытать прежде, чем она получила возможность осуществить своё желание послужить родине, так как вступление женщины в ряды армии, в особенности в качестве лётчика, было далеко необычным явлением. Но, к счастью, всё обошлось благополучно, и теперь, после двух с лишним месяцев моего пребывания в армии, — говорит она, — я могу сказать, что мне ни разу не пришлось почувствовать хотя бы малейшую разницу между мною и моими товарищами-офицерами. Нужно сознаться, что, отправляясь в армию, я всё же боялась, что предубеждение против женщины, от которого трудно отделаться сразу, может помешать мне осуществить в полной мере моё стремление пожертвовать всем на служение родине. Но, к счастью, мои товарищи-офицеры сразу сумели

¹³ Пажеский Его Императорского Величества корпус. М., 2004. С. 137.

¹⁴ Вильерс О. А. Попов В. А. Воспоминания русской бабушки. Пятигорская трагедия. М., 2005. С. 65.

найти верный тон, и уже через несколько дней я освоилась с новым положением. Я сама не представляла себе, что войду в роль военного человека так же быстро, как привыкла к новому для меня форменному костюму, украшенному погонями. Большую часть моей боевой службы я провела в крепости К., где была зачислена в авиационный отряд в качестве лётчика. С раннего утра и до позднего вечера я была поглощена службой, — остальной мир как бы перестал для меня существовать...»¹⁵.

Конечно, такие яркие интервью не могли не привлекать к себе особенного внимания и часто становились настоящим примером для подражания. Как и в предыдущие войны, в годы Первой мировой войны молодые барышни и дамы отправлялись на фронт самостоятельно и часто под мужскими именами: «Как сообщают из Киева, там в одном из лазаретов находится девушка-прапорщик, Александра Лагерева, гимназистка пансиона, бежавшая на войну под мужским именем, Лагерева. Кроме неё среди разведчиков было 17 девушек, преимущественно казачек. Три из них были убиты в боях... Лагерева была произведена в урядники, а потом в прапорщики казачьих войск за то, что, будучи во главе шести казаков, взяла в плен 18 германских улан»¹⁶. В приказе о присвоении воинского звания было указано имя Александра Лагерева. На страницах газет военной поры не раз поднимался вопрос о том, возможно ли женщине становиться солдатом. Как правило, чёткого ответа не следовало, но большинство авторов сходилось в высокой оценке подобных поступков: «Мы не знаем их всех, как не знаем в каждом отдельном случае глубоких внутренних психологических причин, заставляющих их идти на столь трудный подвиг, далеко не посильный средней рядовой женщине. Может быть, это участие женщин в рядах сражающихся в армии лишь лишнее доказательство тех глубоких моральных сил, которые до настоящего времени лишь в скрытой форме, в потенциальном состоянии таились где-то в глубине русской души и теперь, вырвавшись наружу, на свет Божий, загорелись столь ярким огнём. Очевидно так»¹⁷.

Однако наиболее распространённой деятельностью для дам в военные годы, как и в мирное

время, оставалось всё же привычное участие в делах благотворительности, которое с началом войны принимало всё новые формы и полностью изменило адресность собранных пожертвований. Так, в сентябре 1915 г. в Екатеринодаре состоялось «открытие действий „благотворительного кафе“, все доходы с которого будут поступать на нужды беженцев. В первый день в „кафе“ было много публики и можно надеяться, что эта симпатичная мысль найдет себе сочувствие и поддержку в среде местного населения... Пока в нём в качестве хозяек работают дамы и девицы местного общества»¹⁸. На протяжении всего времени работы этого благотворительного заведения, судя по заметкам в газетах, оно пользовалось большим вниманием публики и давало значительные сборы. Дамы стремились не только собрать в кафе как можно больше пожертвований, но и создать в нём особенную, достойную своего присутствия атмосферу.

Распространённой и популярной в годы войны в некоторых городах России стала традиция проведения патриотических вечеров в помощь жертвам войны «по образцу устраиваемых солисткой Её Величества М.И. Горленко-Долиной»¹⁹. По отзывам в прессе, «в Петрограде подобные вечера, устраиваемые периодически, пользуются среди самого широкого класса столицы большой популярностью»²⁰. В Екатеринодаре впервые такое событие произошло по инициативе супруги Начальника области С.И. Бабыч осенью 1914 г.: «21 октября состоялся в зимнем театре первый патриотический вечер, сбор с которого поступает в пользу Красного Креста и на нужды раненых. Вечер открыт призывом почтить вставанием память положивших живот свой за родину, после чего исполнено было „Коль славен“, „Боже, Царя храни“ и гимны союзных государств. В исполнении всех гимнов участвовали два оркестра музыки и большой хор певчих, около 300 человек. Дальнейшая часть программы прошла с большим успехом, причём буквально в восхищение привело публику исполнение г-жей Оленевой и г. Прис бельгийского марша. Прекрасно поставлена также заключительная часть вечера — финал оперы „Жизнь за Царя“, произведшая громадное впечатление своей торжественностью.

¹⁵ КОВ. 1915. № 50. С. 1–2.

¹⁶ КОВ. 1915. № 89. С. 1–2.

¹⁷ КОВ. 1914. № 227. С. 2.

¹⁸ КОВ. 1915. № 194. С. 3.

¹⁹ КОВ. 1915. № 223. С. 1.

²⁰ КОВ. 1915. № 223. С. 2.

Материальный успех вечера полный, — свободных мест в театре не было»²¹.

Помимо работы в благотворительных обществах, представительницы кубанского дворянства принимали частное участие в самых разнообразных благотворительных акциях, иногда таких необычных, как в обращении «К именинницам»: «В прошлом году русские женщины, носящие имена св. мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, отозвались на нужды наших раненых воинов и, отказавшись от принятия обычных именинных подарков, просили своих знакомых обращать расходуемые на эти подарки деньги на покупку гостинцев для дорогих наших героев. В настоящее время вновь приближается день 17 сентября, и было желательно, чтобы именинницы подумали в этом году не только о тех раненных наших воинах, находящихся в России, но и о наших братьях, томящихся в жестокой неволе у германцев и австрийцев... Надо надеяться, что именинницы, получив, по примеру прошлого года, вместо подарков, пожертвования для наших дорогих воинов, часть этих пожертвований уделят и пленным русским воинам...»²².

О том, насколько внимательно кубанские дамы относились к призывам отказаться от дорогих нарядов и украшений в пользу сбора средств на приобретение вооружения для армии, заимствованных прессой из английских газет, можно судить по количеству и разнообразию таких обращений.

В начале XX в. Россия пережила первую из двух мировых войн. Масштаб этого события пол-

ностью подчинил себе и изменил привычный образ жизни практически всего населения государства. Мир женщины-дворянки обычно связанный с домашними делами, заботами о воспитании детей, светскими обязанностями и благотворительностью, должен был измениться, также как и всё, что его окружало, и стать частью мира войны. В годы Первой мировой войны повседневную жизнь представительниц кубанского дворянства полностью заполнили новые занятия — ежедневная работа в госпиталях и лазаретах, дамских комитетах и многочисленных благотворительных организациях, причём теперь дамам приходилось заниматься не только организационными вопросами, но и выполнять такую тяжелую работу, которая, казалось, не соответствовала их высокому положению в обществе. Существовало множество разных личных причин и мотивов, побуждающих женщин, принадлежащих к привилегированному сословию Кубани, становиться простыми сёстрами милосердия, уезжать на фронт или проводить всё своё время в различных благотворительных заведениях, и уточнение их может стать темой отдельного исследования. Подчеркнуть хотелось бы следующее. Широкое участие представительниц кубанского дворянства практически во всех общественных событиях военного времени не происходило вынужденно, под воздействием лишь внешних факторов, а носило в подавляющем большинстве случаев бескорыстный и во многом подвижнический характер, определяемый внутренней потребностью сострадания.

²¹ КОВ. 1914. № 232. С. 2.

²² КОВ. 1915. № 197. С. 2.

